

На правах рукописи

Бабина Александра Аркадьевна

МОДЕЛЬ СВЯТОСТИ В ГАЛЛЬСКОЙ АГИОГРАФИИ IV-V ВВ.

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Нижний Новгород – 2022

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и международных отношений Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет».

Научный руководитель:

Тюленев Владимир Михайлович

доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
заведующий кафедрой всеобщей истории и
международных отношений.

Официальные оппоненты:

Ващева Ирина Юрьевна

доктор исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И.
Лобачевского», кафедра истории Древнего мира и
Средних веков, профессор.

Бикеева Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет», кафедра археологии и всеобщей истории,
доцент.

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет»**

Защита состоится «27» января 2023 г. на заседании диссертационного совета 99.2.042.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ по адресу: <https://diss.unn.ru/files/2022/1302/diss-Babina-1302.pdf>

Автореферат разослан «__» _____ 202__ года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Абидулин Алим Маратович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. В последние десятилетия изучение культа святых и феномена святости в целом стало в европейской и в североамериканской историографии предметом пристального исследования.

Во-первых, это связано с новым взглядом на понимание предмета истории вообще и истории христианской религии и Церкви в частности: изучение истории Церкви как института уступило место анализу религиозного мышления и духовных идеалов. Последние исторические исследования смещают ориентацию на изучение мира человека во всем его многообразии.

Во-вторых, на сегодняшний день религиозный фактор считается одним из наиболее важных в позднеантичном и средневековом обществе. В медиевистике оформилась тенденция изучать феномен святости не только в контексте церковной истории, но и в широких рамках истории общества и картины мира средневековых людей, поскольку культ святых не ограничивался сугубо религиозным сознанием.

Наконец, поскольку главной территорией, рассматриваемой в настоящем исследовании, стала Галлия, стоит отметить актуальность изучения религиозной жизни этой местности. Некоторые зарубежные историки считают христианскую церковь Галлии в IV–V в. главным элементом общественно-политических отношений этого региона. Несмотря на то, что некоторые вопросы истории христианства в Галлии IV–V вв. рассматривались в зарубежных и отечественных работах, многоаспектность предмета исследования, оставляет место для дальнейшего изучения религиозной истории этого региона.

Обобщая сказанное, следует отметить, что наше исследование находится в русле исследований современной исторической науки, приобретая особую актуальность в том числе с учетом недостаточной изученности вопроса о формировании модели святости Галлии IV–V вв.

Степень разработанности проблемы. Изучение феномена святости имеет давнюю традицию, начало которой было положено первыми академическими изданиями позднеантичных и средневековых агиографических текстов. Накопленный в исторической науке материал позволяет судить как о самом жанре агиографии, так и об особенностях отражения в житийной литературе исторических реалий и, прежде всего, фигуры самого святого, изучение которой не исключало анализа социально-культурных практик, отраженных в житийной литературе. В целом, наблюдения и выводы, сделанные в данной работе, посвященной «модели святости» в галльской агиографии IV–V вв., опираются на весьма разнообразный историографический материал. Поскольку сочинений, в которых так или иначе затрагиваются проблемы феномена святости в период поздней античности довольно много, мы попытались дать сумму важнейших исследований, сгруппировав их по проблемно-тематическому принципу.

1) Исследования, посвященные анализу агиографической традиции.

Одним из первых исследователей, изучавших агиографию, стал болландист Ипполит Делеэ. В своей работе 1927 г.¹ он рассмотрел житийную литературу с историко-культурной точки зрения, стремясь разобраться в методах, которые применяли агиографы в своих трудах.

В дальнейшем исследователи – Поль Петерс, Жерар Гаритт, Мишель ван Эсбрук² и др. – продолжили развивать традиции, заложенные И. Делеэ. Авторы провели сравнительные исследования житий, а также поставили вопросы об определении агиографического «жанра» и фундаментальных аспектах создания и функционирования житийных текстов. Исключительной важностью для складывания традиции изучения агиографии обладает работа Ф. Грауса³, в которой исследователь стремился доказать, что агиографические тексты являются источниками не только для истории религии, но и для реконструкции картины мира и общественных ценностей.

Основываясь на работах представителей «критической агиографии» П. Делюз в своих исследованиях, написанных, по преимуществу, в 60-е годы XX века⁴, рассуждает о соотношении приписываемых и реальных качеств святых. Автор выделяет два типа святых: «сконструированный» – святые, достоверных сведений о жизни которых у историков нет, и «реальный» – существовавшие в действительности люди, канонизированные после смерти.

Всплеск интереса к феномену поздней античности и роли религиозного фактора в этот период, произошедший в 70–80 гг. XX в. в исторической науке, во многом связан с именем Питера Брауна. В своем исследовании социальной роли святого эпохи поздней античности П. Браун попытался нарисовать портрет святого, поместив его в социум того времени, когда происходило становление культа⁵. Материал статьи впоследствии лег в основу монографического исследования автора, в котором он поставил важнейший

¹ Delehaye H. Les legends hagiographiques. Bruxelles, 1927.

² Peeters P. Orient et Byzance. Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine // Subsidia hagiographica. 1950. Vol. 26 ; Garitte G. Traduttore traditore di se stesso, Bulletin de la Classe des Lettres de l'Académie Royale de Belgique. 1971. 5e sér. 57. P. 39–80 ; Esbroeck van M. Le saint comme symbole, The Byzantine Saint. University of Birmingham XIV Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. by S. Hackel. (Studies Supplementary to Sobornost, 5). London, 1981. P. 128–140; Idem. Jean II de Jérusalem et les cultes de saint Etienne, de la Sainte Sion et de la Croix // Analecta Bollandiana. 1984. T. 102. P. 99–134.

³ Graus F. Volk. Herscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowinerzeit. Prague, 1965.

⁴ Deloos P. Conditions sociologiques de la sainteté canonisée. Liège, 1960; Idem. Perception et pression sociales comme fonctions de la structure sociale. Unmillénaire de sainteté catholique en Occident. Dissertation présentée en vue de l'obtention du grade de docteur en sciences sociales. Liège, 1964; Idem. Sociologie et canonisations. Liège, 1969; Idem. Towards a Sociological Study of Canonized Sainthood in the Catholic Church // Saints and Their Cults: Studies in Religious Sociology, Folklore, and History. / Trans. J. Hodgkin, in ed. S. Wilson. Cambridge, 1983.

⁵ Brown P. The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity // Roman Studies. 1971. Vol. 61. P. 80–101.

вопрос: почему роль святых в обществе так стремительно возросла в V–VI вв. и как их деятельность повлияла на ценности общества⁶.

На рубеже 80–90-х гг. XX в., в том числе под влиянием «семиотического вызова» и «лингвистического поворота», в изучении феномена святости выделяется новое направление, которое рассматривает жития святых как особую разновидность средневековой литературы, предлагающей идеальные модели поведения. Работавшие в рамках этого направления, Т. Хеффернана и Г. Спигель⁷ изучали жития во взаимосвязи с обществом, для которого они были написаны, определяя вместе с тем риторические практики, а также цели написания житийных рассказов.

В последние десятилетия исследователи все чаще рассматривают культ святых в качестве существенного элемента жизни социума, способного по-новому отразить ценностно-нормативную систему общества. Непосредственно святому и основаниям, на которых держался его авторитет в раннесредневековом обществе, посвятила исследование Клаудия Рапп⁸, предложившая модель духовного, аскетического и прагматического авторитетов, в рамках которой видимый аскетизм святого-епископа воспринимался как свидетельство его духовных сил и в то же время служил оправданием его социальной роли лидера. Выявлению закономерностей создания образа святого, моделей святости, а также техники их воздействия на массовое сознание общества посвящены работы Р. Грегуара, Дж. Крейнера, Э. Биркетт, Ш. Мерио⁹.

Несмотря на то, что академический интерес к истории Церкви, в том числе галльского периода раннего средневековья в *российской исторической науке* сформировался еще в XIX в., интерес к латинским агиографическим произведениям, как к источникам по социальной истории Средневековья, в отечественной историографии проявился сравнительно недавно, преимущественно с конца 1990-х гг.

Прежде всего следует назвать труды М. П. Омельницкого и М. Ю. Парамоновой¹⁰, в которых рассматриваются социальные модели,

⁶ Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. / Пер. с англ.; под ред. С.В. Месяц. М.: РОССПЭН, 2004.

⁷ Heffernan T. Sacred Biography. Saints and Their Biographers in the Middle Ages. New York, 1988; Spiegel G. History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages. London, 1990.

⁸ Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005.

⁹ Грегуар Р. Литературные и богословские модели в западной агиографии // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб.: Канун, 1999; Kreiner J. The Social Life of Hagiography in the Merovingian Kingdom / Cambridge studies in medieval life and thought. 2014. 4th ser. 96; М; Mériaux Ch. Bishops, Monks and Priests: Defining Religious Institutions by Writing and Rewriting Saints' Lives (Francia, 6th–11th Centuries) // Hagiography and the History of Latin Christendom, 500–1500. / Ed. Herrick S. K. Leiden: Brill, 2020. P. 143–160.

¹⁰ Омельницкий М.П. Образ святого в англосаксонской литературной и агиографической традиции. М., 1997; Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской

возникшие в рамках агиографического текста, а также агиографические традиции, в контексте которых они функционировали. Вопросы литературной топики, использовавшейся в латинской агиографии, а также соотношения типического и индивидуального подняты в ряде статей одного из ведущих российских специалистов Ю. Е. Арнаутовой¹¹.

2) *Исследования, посвященные проблемам чудес в житийной литературе.*

В 1980-х гг. для изучения культа святости исследователи стали обращаться не только к житиям святых, но и к собраниям чудес, мартирологиям и сборникам легенд. Среди круга вопросов, которые поднимали ученые, можно выделить: определение особенностей образа святого-чудотворца в агиографии, восприятия и значения чуда, чудесного и чудотворца в средневековом сознании.

Среди работ такого рода ключевую роль в понимании категории «чуда» играют исследования выдающегося французского медиевиста Жака Ле Гоффа, в которых анализируются средневековые представления о жизни и чудесах¹². Автор отмечает, что в средневековом сознании чудеса были не категорией, а коллекцией неких предметов или действий и сил, стоящих за ними.

Средневековое понимание контакта с небесными силами изучаются в ряде зарубежных монографий Б. Варда, Р. Гарланда, С. Тезкана, К. Грея¹³. В указанных работах авторы обращаются к феномену чуда в рамках антропологической истории: истории повседневности и народной культуры. Вера в чудо в них расценивается как составная часть «механизма культуры» Средних веков.

Впервые в *отечественной историографии* рассказы о чудесах были проанализированы в монографиях А. Я. Гуревича¹⁴. По мнению автора,

Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003.

¹¹ Арнаутова Ю.Е. Мемогія: «тотальный социальный феномен и объект» исследования. // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* М., 2003. С. 19–37; Она же. Перспективы изучения агиографических топосов // *Munuscula* к 80-летию А.Я. Гуревича. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 182–213; Она же. Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии. // *История через личность: Историческая биография сегодня/* Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 112–135; Она же. *Imitatio Christi: Теологема и литературная модель в бенедиктинской агиографии.* // *Одиссей: Человек в истории.* 2014. №1. С.99-139

¹² Ле Гофф Ж. Чудесное на средневековом западе // *Средневековый мир воображаемого /* Пер. с фр. Общ. ред. С. К. Цатуровой. М.: Прогресс, 2001; Он же. *Герои и чудеса Средних веков /* Пер. с фр. Д. Савосина. М.: Текст, 2012.

¹³ Ward B. *Miracles and the Medieval Mind: Theory, Record, and Event 1000–1215.* Philadelphia, 1987; Garland R. *Miracles in the Greek and Roman World // The Cambridge Companion to Miracles /* Ed. G.H. Twelftree. Cambridge: Cambridge University Press, 2011; Tezcan S. *Curing the Body, curing the Society: The Miracle stories of Gregory of Tours in the service of ascetical socio-moral reform in sixth-century Gaul.* Ankara, 2004; Grey C. *Demoniacs, Dissent, and Disempowerment in the Late Roman West: Some Case Studies from the Hagiographical Literature // Journal of Early Christian Studies.* 2005. Vol. 13. № 1. P. 39–69.

¹⁴ Гуревич А. Я. *Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века).* М.: Искусство, 1989; Он же. *Проблемы средневековой народной*

особенная ценность рассказов о чудесах заключена в том, что в них средневековое сознание отображено в виде зерен еще только формирующейся культуры. Как подчеркивает исследователь, особое место в народной культуре занимали чудеса, имеющие социально-идеологическую нагрузку и являющиеся в глазах простонародья самым привлекательным в облике святого.

Методическое пособие М. Ю. Парамоновой¹⁵ посвящено изучению социальной и культурной истории Средневековья и, прежде всего, религиозного сознания и религиозных практик. В работе рассматривается происхождение культа святых, категории святых и эволюция святости, понятия святости и благочестия в Средние века, а также фигура святого как отражение представлений о сверхъестественном.

Отдельные функции чудес рассмотрены в статьях Ю. Е. Арнаутовой, Н. Ю. Бикеевой и О. А. Джарман¹⁶. Исследователи осмыслиют вопросы о том, как содержание веры в чудеса Средние века преломляется в массовой психологии, как воздействие на аудиторию рассказов о чудотворных деяниях святых помогало решить насущные потребности монастырей, а также как терминология «чудесного» принципиально различалась в языке античной языческой религиозности и у авторов Нового Завета.

3) Исследования, позволяющие судить о социально-политических явлениях и процессах, происходящих в раннесредневековом обществе.

Несмотря на то, что данная группа исследований не посвящена непосредственно изучению агиографических произведений, она тем не менее позволяет реконструировать влияние социума, социальных практик и ментальных установок, сформированных под воздействием конкретных исторических фактов, на агиографические произведения. Эта тема включает в себя сразу несколько аспектов, а потому круг используемой литературы достаточно широк.

Ряд статей посвящены эволюции отношения христианства к войне и участия в ней священников. Работы П. Рамзи, Г. Сайза, Р. Кокса и Е. В. Калмыковой¹⁷ рассматривают элементы христианской этики и антропологии,

культуры. М.: «Искусство», 1981; Он же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: «Искусство», 1990.

¹⁵Парамонова М.Ю. Культы святых и их социальные функции в средневековой Латинской Европе. М.: ИВИ, 2001.

¹⁶Арнаутова Ю.Е. Тревоги повседневной жизни: болезни, представления об их причинах и лечении // Средневековая Европа глазами современников и историков. 1994. Ч. 3. С. 101–122; Она же. Чудесные исцеления святыми и народная «религиозность» в средние века // Одиссей: Человек в истории. 1995. С. 151–169; Бикеева Н. Ю. Чудеса св. Радегунды: о некоторых функциях *mirabilia* в раннем средневековье // Ученые записки КГУ. Серия Гуманитарные науки. 2008. Кн. 1. Т. 150. С. 195–202; Джарман О.А. Чудо в культуре античности в период зарождения христианства: народные верования и личная религия // Христианское чтение. 2014. № 5. С. 135–168.

¹⁷Ramsey P. War and the Christian Conscience. Durham, 1961; Syse H. Religious ethics, Christianity, and war // *Etikk I Praksis: Nordic Journal of Applied Ethics*. 2009. Vol. 3 (1). P. 49–58; Cox R. The Ethics of War up to Thomas Aquinas // *The Oxford Handbook of Ethics of War* – Oxford University Press, USA, 2018; Калмыкова Е.В. Пастыри во главе армии: образы

которые имеют последствия для этики и законов войны, анализируют традицию этических дебатов о войне, темы пацифизма и отказа от военной службы раннего христианского сообщества.

Тема дипломатических миссий и посредничества является одной из наиболее важных в агиографических произведениях IV–V вв. Предметом исследования Э. Джиллета¹⁸ является образ святого как посла. Анализируя посольские миссии в агиографии V–VI вв., автор приходит к выводу о том, что в *Vita Germani* создается принципиально новый образ святого-посла. О. Беккер¹⁹, также исследуя методы дипломатии и ход переговоров, рассматривает, как именно епископы становятся силой, способной на защиту интересов паствы во взаимодействии с варварскими королями.

Тема выкупа пленными святыми и епископами в основном затронута в ряде статей У. Клингширна, Д. М. Омельченко, В. М. Тюленева²⁰. Авторы описывают, как выкуп пленными в конечном итоге становится частью обязанностей местных епископов, которые, в свою очередь, не только принимали, но и активно добивались этой ответственности, так как это позволило им укрепить или расширить свои связи и повысить свой собственный статус в качестве местных покровителей, а также публично продвигать и утверждать христианский идеал милосердия.

Анализу миссионерской деятельности епископа посвящено несколько монографий в зарубежной историографии. Так, в работе И. Вуда²¹ отражен новый подход к изучению истории распространения христианства и миссионерской деятельности в Европе V–XI вв. Проблемы сохранения язычества и обращения Западной Европы христианской Церковью поднимаются в работах К. Даудена, Дж. Н. Хиллгарта, М. А. Ведешкина²².

воинственных прелатов в английской исторической традиции // Диалог со временем. 2018. Т. 63. С. 134–145.

¹⁸ Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*. New York: Cambridge University Press, 2003.

¹⁹ Becker A. *Modalités des relations diplomatiques romano-barbares en Occident au Ve siècle (416–497)*. Thèse de doctorat en Sciences. Strasbourg, 2006; Becker A. *Les évêques et la diplomatie romano-barbare en Gaule au Ve siècle // L’empreinte chrétienne en Gaule du IVe au IXe siècle*. Turnhout, 2014. P. 45–59.

²⁰ Klingshirm W. *Charity and Power: Caesarius of Arles and the Ransoming of captives in Sub-Roman Gaul // Journal of Roman Studies*. Vol. 75 Cambridge, 1985. P. 183–203; Омельченко Д. М. *Выкуп пленными в пастырской практике епископа Цезария Арелатского // Труды института бизнес-коммуникаций*. СПб, 2017. Т. 1. С. 146–151; Тюленев В. М. *Выкуп пленными в контексте становления христианского общества в Западной Европе V – начала VI века // Исторический журнал: Научные исследования*. М., 2012. № 1 (7). С. 84–91.

²¹ Wood I.N. *The Missionary Life. Saints and the Evangelisation of Europe 400–1050*. Longman, 2001.

²² Dowden K. *European Paganism: The Realities of Cult from Antiquity to the Middle Ages*. Routledge, 2000; Hillgarth J. N. *Christianity and Paganism, 350–750: The Conversion of Western Europe*. University of Pennsylvania Press, Incorporated, 1986; Ведешкин М. А. *Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.)*. СПб.: Алетейя, 2018.

Ряд статей П. П. Шкаренкова и В. М. Тюленева²³, в которых рассматриваются некоторые элементы языковой картины мира поздней античности и раннего Средневековья, позволяют не только судить о воздействии античного наследия на агиографов и их методах конструирования модели святости, но и проанализировать отражение риторских способностей святого в тексте жития и использование их для укрепления авторитета святого-епископа.

4) *Исследования, посвященные изучению истории текста и образов главных источников настоящей работы.*

Отдельно стоит узкий круг литературы, посвященной исследованию истории текстов и образов, созданных в основных источниках настоящего исследования: *Vita Martini*, *Vita Honorati*, *Vita Hilarii* и *Vita Germani*.

Из проанализированных нами источников наиболее полно в исторической науке рассмотрено Житие Мартина Турского, заложившее литературную основу для всех последующих западноевропейских агиографических произведений. Вопросы полноты и достоверности, датировки текста, жизни автора и особенностей его творчества, заложенной им литературной традиции, приемов конструирования образа святого в тексте и места жития в христианской литературе поднимались в исследованиях Э.-Ш. Бабю, И. Дэлеэ, И. Фонтена, К. Стэнклифф, А. И. Донченко²⁴.

²³ Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ, 2004; Он же. Картина мира и риторический нарратив в сочинениях латинских авторов поздней античности и раннего средневековья // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 9. С. 227–253; Он же. Римская традиция образа идеального правителя в Остготской Италии // Вестник древней истории. 2008. № 4. С. 157–172; Он же. Roma Aeterna: риторический образ «римского мифа» на рубеже времен // Новый филологический вестник. 2008. № 1. С. 10–21; Он же. «Vita Eriphani» Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в остготской Италии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 12. С. 81–114; Тюленев В. М. Риторическое знание в системе взглядов Эннодия // Наука и школа. 2012. № 6. С. 156–158; Он же. Слово против меча: новое содержание romanitas у Эннодия // Antiquitas Aeterna. 2014. Вып. 4. С. 305–316; Он же. Эллинская словесность и ученость на латинском западе V – первой половины VI в. // Cursor Mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2018. № 10. С. 40–52.

²⁴ Babut E.-Ch. St. Martin de Tours. Paris, 1912; Delehaye H. Guiberti Gemblacensis epistula de St. Martino et alterius Guiberti item Gemblacensis carmina de eodem // Analecta Bollandiana. 1888. T. 7. P. 265–320; Idem. St. Martin et Sulpice Sévère // Ibid. 1920. T. 38. P. 5–136; Idem. Quatre miracles de St. Martin de Tours // Ibid. 1937. T. 55. P. 29–48; Fontaine J. Sulpice Sévère a-t-il travesti S. Martin de Tours en martyr militaire? // Analecta Bollandiana. 1963. T. 81. P. 31–58; Idem. Une clé littéraire de la «Vita Martini» de Sulpice Sévère: La typologie prophétique // Mélanges Christine Mohrmann. Utrecht; Anvers, 1963. P. 84–95; Idem. L'ascetisme chrétien dans la littérature gallo-romaine d'Hilaire à Cassien // La Gallia romana. R., 1973. P. 87–115; Idem. La place particulière de la «Vita Martini» dans la littérature latine chrétienne // Via Latina. Avignon, 2005. N 172. P. 53–59; Stancliffe C. St. Martin and His Hagiographer: History and Miracle in Sulpicius Severus. Oxford, 1983; Донченко А.И. Сульпиций Север и его произведения // Сульпиций Север. Сочинения. М.: РОССПЭН, 1999.

Вместе с тем ряд трудов изучает произведения Сульпиция Севера в широких рамках культа св. Мартина Турского. Среди них можно назвать работу «Martin von Tours – Krieger – Bischof – Heiliger», монографию Й. Мори и статью отечественного дореволюционного исследователя Г. П. Федотова²⁵.

История текста *Vita Germani* в основном исследуется во вступительных статьях к переводам текста в зарубежных трудах²⁶. Датировка текста Констанция Лионского, а также проблемы авторства и возможных целей создания текста рассматриваются в статье Р. Вермата и работе Ван Эгмонда²⁷. Труд Ф. Безоне²⁸ поднимает проблему чудес, совершаемых Германом Осерским. Конечной целью своей работы автор называет представление читателю новаторской литературной интерпретации *Vita Germani*, основанной на изображении духовного роста св. Германа.

Проблемы авторства, датировки текстов, рукописной традиции и особенностей творчества Илария Арелатского и Гонората Массилийского поднимаются в исследованиях Б. Мункэ, С. Каваллина, М.-Д. Валентина, П. А. Жакоба²⁹. *Vita Honorati* в основном интересует исследователей в контексте творчества, риторических приемов, литературных образцов и богословских взглядов Илария. Рассмотрению этого круга вопросов посвящены исследования С. Прикоко, Г. Галла, Ф. Э. Консулино, В. Певницкого³⁰.

²⁵ Martin von Tours – Krieger – Bischof – Heiliger. Kolloquium zum 50. Geburtstag von Prof. Dr. theol. Joachim Conrad. Saarland: Universitätsverlag des Saarlandes, 2013; Maurey Y. Medieval Music, Legend, and the Cult of St. Martin. The Local Foundations of a Universal Saint. Cambridge: Cambridge University Press, 2014; Федотов Г. П. Св. Мартин Турский — подвижник аскезы // Православная мысль. 1928. № 1. С. 157–175.

²⁶ Vita Germani Episcopi Autissiodorensis Auctore Constantius/Ed. Levison W. // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum, Hannover and Leipzig: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1920. Vol. 7; Vie de Saint Germain d'Auxerre / Ed. and trans. Borius R// Sources Chrétiennes. Paris: Les Éditions du Cerf, 1965. Vol. 112; Hoare F. R. Constantius of Lyon // Noble, Thomas, F. X., and Thomas Head, eds. Soldiers of Christ: Saints and Saints' Lives from Late Antiquity and the Early Middle Ages. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1995.

²⁷ Vermaat R. Constantius of Lyon - de Vita sancta Germani [Электронный ресурс] – URL: www.vortigernstudies.org.uk/artsou/constant.htm; Egmond W. S. van. Conversing with the Saints: Communication in Pre-Carolingian Hagiography from Auxerre. Turnhout: Brepols, 2006.

²⁸ Bezzone F. Deconstructing the man, constructing the saint: the literary sanctification of Germanus of Auxerre in the "Vita Germani Auctore Constantio" by Constantius of Lyon: a thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Philosophiae Doctor. Galway: NationalUniversityofIreland, 2013.

²⁹ Munke B. Die Vita S. Honorati nach drei Handschriften herausgegeben. Halle, 1911; Vita sanctorum Honorati et Hilarii, episcoporum Arelatensium / Rec. S. Cavallin. Lund, 1952; Hilaire d'Arles. La vie de st. Honorat / Éd. M.-D. Valentin. // Sources Chrétiennes. Vol. 235. Paris, 1977 ; Honorat de Marseille. La vie de saint Hilaire d'Arles / Ed. P. A. Jacob. Paris, 1995.

³⁰ Pricoco S. Quaedam de Hilarii Arelatensis sermone de vita Honorati // Estratto dell' Annuari dell' Istituto Magistrale Turini-Colonna. 1968-1969. Idem. Modelli di santità a Lerino. L'ideale ascetico nel Sermo de vita Honorati di Ilario di Aries // SicGym. Vol. 27. 1974. P. 54–88; Galla G. Uno scritto filo-pelagiano attribuibile a Ilario di Aries // Aevum. Vol. 51. 1977. P. 333–348; Consolino F. E. Fra biografia e confessio; la forma letteraria dei Sermo de vita S. Honorati di Ilario d'Arles // Orph. Vol. 2. 1981. P. 170–182; Певницкий В. Арелатские проповедники V–VI вв.

Такие исследователи, как К. Купер-Марсдин, Л. Кристиани, П. Н. Курсель, С. Прикоко и А. де Вогю³¹, обращались к темам устройства Леринского монастыря, его правил, быта и культуры, а также влияния Лерина на распространение монашества на Западе. Помимо прочего авторы затрагивают вопрос о личностях и взглядах основателя и обитателей монастыря, в том числе Илария и Гонората Массилиского.

Приведенный выше обзор историографии свидетельствует о том, что вопрос модели святости в эпоху поздней Античности нуждается в многостороннем освещении. Хотя круг выявленной литературы достаточно широк, тема модели святости в галльской агиографии IV–V вв. изучена недостаточно.

Цель нашей работы – исследовать становление и эволюцию модели святости в галльской агиографии IV–V вв.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Выделить факторы, повлиявшие на формирование модели святости в галльской агиографии поздней античности;

2. Реконструировать образ святого-епископа как социально-административного деятеля в рассматриваемых житиях;

3. Определить характерные черты образа святого-пастыря и выявить основные стороны пастырской деятельности, отраженные в галльской агиографии;

4. Выявить истоки образа святого-чудотворца и его особенности в галльской агиографии IV–V вв.

Объектом нашего исследования будет историко-антропологический феномен святости латинской агиографии раннего Средневековья, **предметом** – модель святости, сложившаяся в житиях епископов Галлии в IV–V вв.

Хронологические рамки работы ограничены IV–V веками, поскольку в это время происходит зарождение галльской агиографии, создаются рассмотренные в работе жития святых. В то же время для анализа воздействия галльской агиографии на житийную литературу раннего средневековья мы также будем обращаться к работам VI–VIII вв.

Географически исследование определены, преимущественно территорией Галлии, где происходит становление латинской агиографии, но в некоторых случаях имеет место их расширение для прослеживания влияния как агиографической традиции на модель святости Галлии, так и рассматриваемой модели на западноевропейские агиографические памятники VI–VIII вв.

<Св. Гонорат и Иларий Арелатские> // Арелатские проповедники V–VI вв.: сб. исслед. и пер. / под ред. А.Р. Фокина. М.: Имперіум Пресс, 2004. С. 7–58.

³¹ Cooper-Marsdin A. C. The History of the Islands of Lerins. Cambridge, 1914; Cristiani L. Lerins et ses fondateurs. Saint-Wandrill, 1946 ; Courcelle P. Nouveaux aspects de la culture lérinienne // Revue des études Latines. Paris, 1968. Vol. 46. P. 379–409 ; Pricoco S. L'isola dei santi. Il cenobio de Lerino e le origini del monachesimo gallico. Rome, 1978; DeVogüe A. Sur la patrie d'Honorat de Lérins, eveque d'Arles // Revue Benedictine. Vol. 88. Abbaye de Maredsous, 1978. P. 290–291.

Научная новизна исследования. В работе впервые в отечественной историографии определено содержание модели святости Галлии IV–V вв., возникшей после того, как мученичество уходит в прошлое. В исследовании доказано, что главными компонентами рассмотренной модели святости являлись социально-административная, пастырская и чудотворная деятельность святого-епископа. На примере позднеантичных агиографических текстов Галлии проводится комплексный анализ различных элементов данной модели, а также прослеживается ее воздействие на последующую латинскую агиографию. С учетом существующих в современной историографии подходов и методов определено влияние различных (социальных, социокультурных, политических) факторов, а также интеллектуальной традиции на формирование и эволюцию модели святости в галльской агиографии IV–V вв.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы следующим образом:

- В агиографии Галлии IV–V вв. под влиянием целого ряда социально-экономических и политических факторов (прекращение гонений, упадок политических структур Римской империи, перестройка общественных связей, укрепление авторитета Церкви и др.) создается модель святости, в которой формируется новое понимание святого и его места в обществе: на смену мученической смерти святого приходит религиозное подвижничество, имеющее ряд собственных критериев святости.
- Компоненты рассматриваемой модели святости включают в себя: социально-административную деятельность (выполнение организационно-управленческих обязанностей в рамках епископского служения), пастырскую деятельность святого (вероучительная и благотворительная практика святого, основанная на его аскетическом авторитете), а также его способность к чудотворению. Компоненты этой модели окончательно складываются к концу V в.
- Образ святого-патрона, создаваемый с помощью указанных элементов, в течение V в. трансформируется из образа регионального в общегалльского покровителя.
- Распределение компонентов модели внутри отдельных житий позволяет выявить две традиции: южногалльскую, тесно связанную с леринской интеллектуальной и богословской традицией, ориентированную на формирование аскетического образа доброго пастыря, и центральногалльскую, сочетающую аскетический идеал святого с авторитетом епископа и чудотворца.
- Модель святости Галлии IV–V вв. заложила основу для латинской агиографии VI–VIII вв.

Источниковую базу исследования составляет преимущественно агиографическая литература.

1) Галльские агиографические источники IV–V вв.:

Одним из наиболее ранних образцов агиографической литературы является «Житие св. Мартина Турского»³², написанное Сульпицием Севером, по всей видимости, около 395–396 г. Сульпиций Север, происходивший из знатной аквитанской семьи, получил классическое образование и некоторое время строил карьеру адвоката. Однако Паулин Ноланский, а также Мартин Турский, которого Сульпиций Север знал лично, оказали значительное влияние на его дальнейшую жизнь: под их влиянием он основал на своей вилле Примулиак аскетическую общину. Житие считается основополагающим произведением в своем жанре, сформировавшим в представлении духовенства и мирян набор определенных ожиданий в отношении епископов: в первую очередь ведение «апостольской жизни» и обладание даром чудотворения. Значительная часть текста Сульпиция Севера посвящена рассказам о чудесах. Авторы последующих житийных текстов V–VI вв. заимствуют не только семантическое поле рассказов о чудесах из *Vita Martini*, но также их композиционное построение и представление о чудесах как элементах образа святого-патрона.

«Похвальное слово о жизни св. Гонората»³³ было написано его родственником и современником Иларием, епископом Арелатским. Данный агиографический памятник, созданный, по-видимому, около 431 г. основан на проповедях Илария, произнесенных в первые три годовщины кончины Гонората. Иларий посвящает большую часть своего труда описанию не чудотворных сил Гонората Арелатского, а созданию образца доброго пастыря, проявлявшего духовную заботу о своей пастве. Главное внимание в панегирике акцентируется на аскетическом этапе жизни святого. Эти особенности значительно отличают работу Илария от созданного ранее «Жития Мартина Турского» и закладывают основу будущей южногалльской традиции агиографии, в большей степени ориентированной на внутренний мир героя и его личность, чем на выполнении им епископских обязанностей.

По всей видимости, *Vita Honorati* также было принято в качестве образца агиографом самого Илария Арелатского. «Житие Святого Илария, епископа Арелатского»³⁴ было составлено между 475 и 480 годами учеником Илария – Гоноратом, епископом Массилийским. Одобрение папы Геласия писательского таланта Гонората явно указывает на то, что он считался одним из выдающихся проповедников своего времени. Автор в целом сохраняет тот аскетический идеал, который сам Иларий закладывал в своей речи о святом Гонорате. Созданный Гоноратом Массилийским образ святого-аскета тесно переплетен в «Житии Илария» с образом строго до суровости пастыря. Гонорат создает образ

³²Сульпиций Север. Житие святого Мартина, епископа и исповедника // Сочинения. М.: РОССПЭН, 1999.

³³Слово святого Илария о жизни святого Гонората, епископа Арелатского/ пер. Д. Зайцева // Арелатские проповедники V – VI вв. С. 59–91.

³⁴Гонорат Массилийский. Житие Святого Илария епископа Арелатского / пер. Д. Зайцева // Арелатские проповедники V – VI веков. С. 92–127.

святого, который, давая личный пример набожности, заботится о нравственном благополучии своего города. В отличие от «Похвального слова о жизни св. Гонората», «Житие святого Илария» богато на информацию о социально-административной деятельности епископа, а также содержит сведения о состоянии Церкви и взаимодействии епископа с Римом.

«Житие святого Германа Осерского»³⁵ было написано пресвитером из Лугдуна (современный Лион) Констанцием. Наиболее вероятной датой написания работы принято считать 480 г., когда сам Констанций был уже стар. Житие дает яркое описание жизни епископов и простых людей в Галлии во второй четверти V в., множество топонимов, имен участников тех событий, многие из которых известны только благодаря этому тексту. Констанций Осерский сохраняет многие образы, сложившиеся в модели святости Галлии к концу V в. В то же время в *Vita Germani* не просто сохраняются традиционные элементы аскезы и патронажа, ставшие топосами, но появляются и новые для своего времени черты.

Рассмотренные источники закладывают основу галльской агиографии и формируют новое понимание святости. Фокус рассказа в житийной литературе перестраивается с описания мученической гибели святого на изображение его образцовой религиозной жизни и выполнения им социальных функций. Святые не только ведут благочестивую жизнь, но и выполняют посольские миссии, занимались строительством и выкупом пленных. Образы святых и в том числе модели их социального воздействия, созданные в этот период, становятся своеобразным каноном для средневековой житийной литературы в целом.

2) *Агиографические произведения IV в., оказавшие влияние на галльскую модель святости.*

Для того чтобы проследить истоки формирования данной модели и в качестве материала для сравнения литературной традиции V века нами привлекаются также агиографические работы IV–V веков, выходящие за географические рамки Галлии.

«Житие свт. Амвросия Медиоланского»³⁶, созданное учеником Амвросия Паулином, епископом Медиолана – важный источник в изучении церковной истории второй половины IV в. Текст представляет собой одно из произведений, зарождающейся традиции житий, посвященных западным епископам. Житие Амвросия, сохраняя описание чудес святого, делает акцент на утверждении его могущества и изображении твердости св. Амвросия по отношению к власти. Некоторые исследователи считают, что Констанций Лионский использовал некоторые эпизоды жития Амвросия для создания нового образа епископа-посла³⁷.

³⁵ Констанций Лионский. Житие святого Германа / Пер. на рус. яз. А.А. Бабиной и В.М.Тюленева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019.

³⁶ Паулин Медиоланский. Житие свт. Амвросия Медиоланского / Пер. Цыбенко О. П. СПб: Алетейя, 2013.

³⁷ Gillett A. Op.cit. P. 122.

«Житие Антония Великого»³⁸, написанное около 365 г. одним из видных греческих писателей IV века Афанасием Александрийским, закладывает основы описания аскетических практик святых и чудес, совершаемых ими. Житие оказало большое влияние на средневековую агиографическую традицию в целом и стало обобщением восточной монашеской аскезы. Для нашего исследования интересно его влияние на «Житие Гонората Массилийского» и «Житие Мартина Турского».

Некоторые дословные совпадения указывают, что в качестве источника Сульпиций Север использовал «Житие Илариона»³⁹ Иеронима Стридонского. Житие было создано около 391 г. в Вифлееме. В житии, составленном в первую очередь для западных читателей, Иероним описывает образцы восточного подвижничества, преломляя их сквозь призму собственного аскетического опыта, приобретенного им в пустынях Сирии и Египта. Аскетические образцы, созданные в «Житии Антония Великого», получают здесь дальнейшее развитие.

Поскольку примером для агиографов по-прежнему выступало Евангелие, на чью композиционную схему ориентировались авторы, то для анализа топосов нами использовались также тексты Нового Завета. Источники агиографического характера помогают нам проанализировать литературную традицию, сложившуюся к V в., в то время как новозаветные сюжеты помогают понять основу этой традиции.

3) *Западноевропейские агиографические произведения VI–VIII вв., на которые повлияла галльская модель святости.*

Интересно также проследить, как усваивается и трансформируется рассматриваемая модель святости IV–V вв. В качестве источников нами были также привлечены тексты латинской агиографической литературы VI–VIII вв., на которые оказали влияние рассмотренные выше галльские жития IV–V вв.

Медиоланский диакон Магн Феликс Эннодий⁴⁰, по всей видимости, был вдохновлен галльскими житиями святых IV–V вв. «Житие блаженнейшего мужа Епифания епископа Тицинской церкви», написанное им не ранее 501/502 – 504 г., ближе всего по композиционной структуре к «Житию Германа Осерского». Эннодий обходит молчанием чудеса и аскетические подвиги святого, однако пристальное внимание уделяет теме дипломатических миссий епископа Тицинской церкви.

³⁸ Афанасий Великий. Житие преподобного отца нашего Антония, описанное святым Афанасием в послании к инокам, пребывающим в чужих странах // Творения в четырех томах. Ч. 3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903.

³⁹ Иероним Стридонский. Жизнь св. Илариона // Творения блаженного Иеронима Стридонского (Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западной). Т. 4. – Киев, 2-е изд, 1910.

⁴⁰ Магн Феликс Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви / Пер. с лат. Тюленева В. М. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2013.

«Житие Святого Цезария Арелатского»⁴¹, состоящее из 2 частей или книг, также вдохновлено галльскими агиографическими текстами IV–V вв. Житие было составлено по просьбе Цезарии Младшей, племянницы Цезария, не позднее, чем через семь лет после его смерти, около 549 г. Модель святого-патрона, созданная галльской агиографией IV–V вв., занимает в тексте центральное место: Цезарий усерден в проповедях, заботлив к своей пастве и активен в деле выкупа пленных.

*Vita Amatoris*⁴² была заказана Авнарием, епископом Осера. Авнарий управлял епархией с последней четверти VI в. до самого начала VII в. Исходя из этого Ван Эгмонд помещает датировку текста между 561 и 605 годами⁴³. Житие содержит темы и модели, сформированные галльской агиографией IV–V вв. Особенно исследователи отмечают стилистическую и композиционную схожесть жития Аматора с *Vita Germani*⁴⁴.

Житие Радегунды⁴⁵ было создано Венанцием Фортунатом в начале 590-х гг. – одним из самых значительных латинских поэтов VI века. Влияние на автора галльской агиографии IV–V вв. проявляется в использовании им набора основных монашеских добродетелей, ставшим к тому времени стандартным. Так, фигуру Радегунды, в частности, объединяет с образами Гонората и Илария Арелатского акцент, сделанный на аскетизме святой. Кроме того, подобно «Житию Мартина Турского» почти треть жития Венанций Фортунат посвятил описанию чудес святой Радегунды.

Анонимный автор «Жития Женеьевы Парижской»⁴⁶ сообщает, что пишет агиографию через 18 лет после смерти святой, что позволяет датировать источник приблизительно 520 г. Агиограф, по всей видимости, был знаком с *Vita Martinii* и *Vita Germani*. Образ Женеьевы роднит с образами Мартина и Германа схожее описание аскетических практик и активное вмешательство святой в дела города, что позволяет автору создать образ святой-покровительницы города.

Анонимное «Житие епископа Аниана»⁴⁷, повествующее о нападении в 451 году гуннов на Аврелиан, было датировано издателем Б. Крушем VIII в.⁴⁸ Однако существуют и другие версии его датировки, в соответствии с которыми

⁴¹Житие Цезария Арелатского / Пер. слат.,вступит. Статья Каспарова А. И. // Раннехристианские Жития Галльских Святых под ред. Банникова А. В., Каспарова А. И., Пржигодзкой О. В. СПб., 2016.

⁴²Stephanus Africanus. Vita Amatoris / Ed. Duru L.M.// Bibliothèque Historique de l'Yonne, ou Collection des Légendes, Chroniques et Documents Divers pour Servir à l'Histoire des Différentes Contrées qui Forment Aujourd'hui Ce Département, 1. Auxerre: Perriquet, 1850.

⁴³ Egmond W. S. van. Op. cit. P. 31.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Venantius Fortunatus. De Vita Sancta Radegundis/ Ed. Krusch B.//MGH SS. Rer. Merov. 2: 364–95. Hannover: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1888.

⁴⁶ Житие св. Женеьевы / Пер. М. А. Тимофеева // Альфа и Омега. 1996. № 4 (11). С. 126-139.

⁴⁷ Vita Aniani / Ed. B. Krusch // Monumenta Germaniae historica scriptorium rerum merovingicarum / Ed. B. Krusch. Hannover, 1896, t. III. P. 108–117.

⁴⁸ Ibid. P. 106.

источник следует относить к рубежу V–VI вв. Интерес для данного исследования представляет сцена битвы с гуннами, в которой епископ представлен как воитель и защитник своей общины. Истоки этого образа могут восходить к образу Германа Осерского – епископа, впервые представленного в тексте жития во главе армии.

Благодаря этим источникам можно судить о распространенности данной модели святости во времени и пространстве. Анализ агиографии VI–VIII веков показывает, что большинство топосов, созданных агиографами Галлии в IV–V веках, сохранилось.

4) *Источники, раскрывающие авторскую позицию.*

Кроме того, важным источником для работы явился корпус писем, хроник и произведений, созданных авторами рассматриваемых агиографических произведений или их корреспондентами. Так, помимо «Жития святого Мартина Турского» Сульпиций Север оставил после себя «Диалоги», «Хронику» и ряд писем, которые помогают прояснить взгляды агиографа на модель святости.

Представляет интерес письмо Сидония Аполлинария, в котором он благодарит Констанция за его приезд в столицу Оверни после варварского нападения, несмотря на преклонный возраст и болезнь⁴⁹. Этот источник дает возможность сравнить положение в некоторых областях Западной Римской империи V в. с литературным миром *Vita Germani*.

Наконец, письмо Эннодия к Цезарию Арелатскому⁵⁰ отражает взгляд агиографа на соотношение авторитетов светской и духовной власти и особой, просветительской роли пастыря. В лице Цезария автор письма создает обобщенный образ «идеального» епископа, главными чертами которого, как и в «Жития блаженнейшего мужа Епифания», выступают красноречие и образованность.

Таким образом, имеющихся в нашем распоряжении источников в их совокупности достаточно для решения основных задач исследования.

Теоретико-методологическую базу нашей работы составляет совокупность принципов, подходов и моделей как общенаучного характера, так и специально-исторического. Настоящее исследование подчиняется базовым принципам: *историзма* и *научной объективности*. Среди общенаучных методов нами применялись *методы описания, сравнительно-исторический*, а также элементы *системно-структурного анализа*. В качестве специально-исторических методов выступили *историко-генетический, историко-сравнительный* и *историко-типологический* методы.

Ключевым для нашей работы стал *историко-антропологический подход*, изучающий культуру общества посредством антропологического анализа ритуалов и символов, определяющих поведение в обществе. Посредством

⁴⁹ Sid. Apoll. Ep. III.2.

⁵⁰ Эннодий. Послание епископу Цезарию / Пер. с лат., коммент. В.М. Тюленева // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 66–67.

анализа галльской агиографии мы попытаемся восстановить миропонимание широких слоев населения.

Близка к культурной антропологии по своим задачам *«новая» социальная история*, в центре исследований которой находятся отношения человека с обществом и средой применительно к прошлому. Методы, используемые *«новой» социальной историей*, позволяют рассматривать агиографию с точки зрения действующих лиц, изучить ментальность и обыденное сознание читателей и авторов житий, символические системы эпохи, образцы и модели поведения, которые закладывает святой в тексте, произвести реконструкцию картины мира данной социальной общности.

Для изучения истории текстов нами были использованы *методы текстологии*. При изучении художественного текста особое значение имеют анализ авторства, датировки и структуры текста, позволяющие лучше понять авторский замысел.

Для того чтобы изучить человека как продукт рассматриваемой культуры необходимо привлечь, применяемые в *семиотике*, методы исследования символических систем, поскольку культурные ценности и нормы закреплены в знаках. В нашем случае, семиотика способна позволить разобраться в социальных функциях епископа, определить, как за образом галльскими святыми закреплялся образ патрона, аскета, чудотворца и др. Таким образом, за непосредственным впечатлением от знака разглядеть более широкие значения и социальные функции знаковых систем.

Поскольку исследование сфокусировано на модели святости, построенной из различных образов святого, то обоснованным кажется выбор методов *исторической имагологии*. Зачастую в центре внимания этой дисциплины находится изучение представлений об образе Другого в различных обществах, что как нельзя лучше отражает положение святого в тексте жития. Изучение модели святости с позиции Другого позволяет проанализировать социально-идеологическую функцию представлений современников об инаковости святых. Анализ прямой речи, метафор и признаков оценочности, представленных в тексте, позволяет провести лингвоимагологический анализ дискурса и проследить как образы Другого, конструируемые в агиографии, превращаются в топосы, входят в общественное сознание и формируют представление о святости.

Выбранная методология соответствует поставленным задачам и помогает решить их.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при изучении истории средних веков Галлии, истории христианства и Церкви в период раннего Средневековья, истории позднеантичной литературы и агиографии, при разработке учебных курсов по истории древнего мира, поздней Античности и средних веков.

Работа соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история; направления исследований: 2. История Древнего мира (история

Древнего Востока, история Античности, история Америки и Африки в древности); 3. История Средних веков (история Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, история Византии, история славян, история Средневекового Востока); 12. Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности; 18. Человек в истории (весь комплекс культурно-антропологической проблематики, в том числе история ментальности, история повседневности, историческая имагология и т.п.); 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история; 22. История религии и церкви.

Апробация работы. Выводы и материалы исследования прошли апробацию в ходе докладов на нескольких конференциях: «Молодая наука в классическом факультете» (Иваново 2020), «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург 2019, 2020), «Ломоносов» (Москва 2020, 2021).

Цель и задачи определяют **структуру** исследования. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка исторических источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность работы, определены цель и задачи исследования, его объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, положения, выносимые на защиту, теоретико-методологическая основа, представлен обзор использованных источников и степень разработанности проблемы, обозначена научная новизна, практическая значимость и апробация работы.

Глава 1. «Социально-административная деятельность святого-епископа в житиях Галлии IV–V вв.» посвящена анализу административно-политических функций епископов, получивших отражение и закрепление в агиографических произведениях Галлии IV–V вв.

В параграфе 1.1. – «*Оборона города*» рассматривается образ святого-защитника паствы и города, который только зарождается в галльской агиографии. По всей видимости, трансформация христианского представления о военных действиях от пацифистского неприятия насилия к идеям справедливой войны способствовала появлению образа святого-воина в латинской житийной литературе. Образ святого-воина появляется в галльской агиографии IV–V вв., однако он скорее отражает деятельность епископов по защите своей паствы от происков дьявола, чем его административную роль в деле обороны города. Некоторый переход намечается в *Vita Germani*, впервые отразившем непосредственное участие епископа в боевых действиях. Анализ последующей агиографической традиции позволяет сделать вывод о том, что образ святого-воина получит большее развитие в житиях VI–VIII вв., в которых епископ будет вынужден не только спасти души своей паствы, но и защищать их от гибели, налаживая оборону своего города. В тяжелые кризисные времена епископ становился опорой и примером для своей паствы,

не только помогая жителям организовать дело спасения города, но и добиваясь их сплоченности и воодушевления.

Параграф 1.2. – «*Строительство церквей и монастырей*» посвящен анализу такого элемента образа святого-епископа в агиографии Галлии, как участие епископа в строительных проектах города. Все рассматриваемые галльские жития освещают эту сторону епископских обязанностей. В рамках топоса об организации строительства церквей и основании монастырей в галльской агиографии IV–V вв. формируется образ святого-регламентатора монашеской жизни, который получит дальнейшее развитие в житиях VI в. Помимо демонстрации аскетических привычек святого, данный топос выполнял важнейшую функцию репрезентации его власти в епархии. Например, на месте разрушенных языческих храмов Мартин Турский воздвигает церкви и монастыри, тем самым способствуя христианизации тех районов, которые долгое время не признавали Христа (*Vita Mart.* XIII.9).

Параграф 1.3. – «*Выкуп пленных*» – рассматривает новый мотив, который зарождается в контексте социально-административной деятельности епископов в галльской агиографии V в. – мотив выкупа пленными. Епископ, осуществляющий подобную практику, мыслился как продолжатель дела Спасителя и представал в качестве заботливого покровителя своей паствы. Забота о пленных в тексте жития решала сразу несколько задач. С одной стороны, примеры таких нравственных подвигов оказывали на общество огромное влияние, уча христианскому милосердию. С другой стороны, выкуп пленными имел тесную связь с укреплением авторитета патрона и распространением его влияния за пределы собственного города или провинции. Репутация милостивого и щедрого патрона пленников – выходцев из самых разных мест – расширяла возможности Церкви и укрепляла ее позиции в обществе.

Параграф 1.4. – «*Посольства*» – уделяет внимание оформлению образа святого-посла в агиографии Галлии IV–V вв. В условиях непрекращающихся войн епископы вынуждены не только брать на себя административные полномочия, но и участвовать в дипломатических миссиях: заботиться об устройении или сохранении мира, становиться посредниками между враждующими сторонами. В галльской агиографии только появляются новые для своего времени черты епископа-посла. Данный аспект портрета святого создается с помощью комплекса приемов, таких как повествовательная последовательность текста и причинно-следственные связи между путешествиями, безотлагательность и поспешность поездок, а также связанная с этим постоянная изнуренность епископа и его трудолюбие. В период с конца V в. по VI в. авторы других латинских агиографических сочинений во многом ориентировались на галльскую модель при создании образа святого-посла.

Параграф 1.5. – «*Взаимодействие с властью*» – посвящен анализу модели взаимодействия святых с властью в агиографических памятниках Галлии IV–V вв. Данная модель претерпевает значительную трансформацию в V в. Первоначально, несмотря на явное противопоставление в тексте духовного и

светского авторитетов, святой представал как отрешенный от всего мирского. Изменение модели позволило сместить акцент в отношениях между властью мирской и духовной с открытого противостояния к практически беспрекословному склонению светских властей перед духовным авторитетом святых. Эта перемена в построении образов святого и светской власти видна уже в агиографии конца V в., но наибольшее развитие получает в житиях VI в. Ключевые инструменты, используемые для создания подобной модели, сохраняются и в агиографии VI в. Святой, постоянно находящийся в посольствах, отвечающий на ходатайства паствы, чья святость подтверждена ангельским обликом, с помощью чудес и красноречия легко получает желаемое от светских властей.

Глава 2. «Пастырская деятельность святого-епископа в позднеантичных агиографических текстах Галлии» анализирует мотив пастырского служения святого в агиографии Галлии IV–V вв.

Параграф 2.1. – «Аскетизм» – посвящен анализу аскетических практик святых, представленных в текстах рассматриваемых житий. После того, как преследования христиан, а, следовательно, и мученичество как путь к Спасению, уходят в прошлое, литературная модель изображения подражателей страданиям Христа усложняется. Аскетический образ жизни стал новым выражением веры и самоотверженности, которые заменили мученичество. В IV–V вв. аскетизм становится неотъемлемой частью модели святости галльской агиографии, главной чертой которого является *perseverantia* святых в самоотречении и стяжании Святого Духа. Святой оставался аскетом с юности (или с момента обращения как в случае Илария) и до самой смерти. Некоторым исключением в данной композиционной схеме можно считать «Жития Германа Осерского». Констанций Лионский не обращается к детству или приходу в христианство святого. Герман также не был монахом до своего вступления в должность, однако аскетизм святого близок к леринской традиции монашества.

Усложняясь, образ святого-аскета приобретает в галльской агиографии более глубокую проработанность в вопросах описания практик воздержания. Авторы житий проявляют все большее внимание к изображению его одежды, пищевым и бытовым привычкам. Вместе с тем появляется тенденция к складыванию образа святого, который, не отказываясь от созерцательной деятельности, посвящает себя служению пастве. При этом мотив божественного предопределения святого к епископскому служению помогал разрешать этот конфликт между аскетическим отрешением от мира и активным участием епископа в жизни мира.

Однако акценты в галльских житиях расставлены по-разному. В целом можно выделить две тенденции. Южногалльская тяготеет к аскетическо-монашеским традициям восточного христианства. Главной тематикой здесь становится описание добродетелей святого. В «Житии Илария Арелатского» она дополнилась подчеркнуто изнуренным образом святого, близкого к египетским подвижникам. Центральная галльская тенденция в большей степени сосредотачивает внимание читателя на активном взаимодействии святого с

паствой. Именно вторая модель была воспринята латинской агиографией, что во многом определило принципы построения концепции святости в средневековой Европе.

Параграф 2.2. – «Социально-карикативная деятельность» – уделяет внимание топосу благотворительности святого в рассматриваемой модели святости. По всей видимости, социально-карикативные практики становились долгом и обязанностью доброго и деятельного пастыря. Епископы служили образцом милосердия и своим примером вдохновляли на благотворительность всю христианскую общину. В то же время агиографы стремились продемонстрировать равнодушие епископов к дарам от власть предержащих. Они воспринимали эти подарки не как свое личное имущество, а имущество Церкви, а, следовательно, и всей церковной общины, поэтому поступали с ними соответственно: жертвовали бедным или употребляли на выкуп пленных. В галльских (и даже латинских) агиографических произведениях рассмотренного периода наметился переход от восприятия благотворительной деятельности святого как его личностной характеристики к описанию социально-карикативной деятельности как части епископских обязанностей. По всей видимости, зарождается такая модель в «Житии Гонората Арелатского» и «Житии Германа Осерского», но наибольшее развитие получает в «Житии Илария Арелатского» и «Житии святого епископа Цезария».

В параграфе 2.3. – «Борьба с язычеством» – исследуется образ святого как борца с язычеством, заложенный в *Vita Martini* Сульпиция Севера. В целом житие строит модель святости вокруг этой темы. Зачастую инструментом для создания такого образа становятся чудеса. По всей видимости, для Сульпиция Севера чудеса – это в первую очередь инструмент для дальнейшего развития идеи социальной ответственности святого и выполнения им таких своих пастырских обязанностей, как распространение и укрепление веры. Однако в течение V в. с распространением христианства на территории Галлии образ святого, созданный в *Vita Martini*, постепенно отходит на второй план. Вероятно, в данной местности к V в. процесс христианизации в основном завершился, и депаганизация теперь затрагивала в основном языческие пережитки внутри христианского сообщества. Тем не менее «Житие Мартина Турского» оказало значительно влияние на всю последующую латинскую агиографию VI–VIII вв. Например, инструменты формирования образа святого как борца с язычеством, композиция и сюжеты, использованные в *Vita Martini*, по-видимому, позже были применены для конструирования образа святого-миссионера.

Параграф 2.4. – «Проповедь» – посвящен изучению построения образа святого-проповедника в рамках рассматриваемой модели святости. Кроме того, в параграфе в целом рассмотрено использование топоса о риторском мастерстве святого в агиографических произведениях. Приведенные в исследовании примеры показывают, что часть из епископов представлены в агиографиях больше, как риторы в традиционном смысле слова, чем проповедники. С одной стороны, галльские агиографы стремились

продемонстрировать образованность святого, которая должна была стать залогом красноречия, необходимого для проповеди слова Божия, и грамотного руководства паствой. С другой стороны, нередко риторское искусство связывалось в житиях с божественным вмешательством. Тем самым владение словом укрепляло авторитет святого в глазах читателя, одновременно являясь и божественным вдохновением, и наследием римской культуры.

В то же время в «Житии Мартина Турского» и «Житии Германа Осерского» проповедь и риторские способности святого играли второстепенную роль, способствуя успешному достижению целей святого, помогая ему в противостоянии с язычеством и ересями или просто дополняя уже сложившийся образ святого-чудотворца. В «Похвальном слове о жизни св. Гонората» святой в большей степени предстает перед читателями в образе проповедника, который продолжает увещевать и наставлять паству и во сне, и даже на смертном одре. Дальнейшее развитие образ святого-проповедника получает в *Vita Hilarii*. В житии Илария благодаря проповеди конструируется образ святого как строго учителя и пастыря, готового не только духовной пищей наставлять и питать свою паству, но и суровыми словами изобличить ее пороки, чтобы вылечить нравственные слабости и болезни горьким лекарством.

Глава 3. «Чудотворная деятельность святого в позднеантичной галльской агиографии» рассматривает последний компонент модели святости Галлии IV–V вв. – способность святого к чудотворению. В течение IV в. в латинской агиографической литературе понятие «святой» трансформируется: теперь оно адресуется лицам, чьи личные религиозные качества и дар чудотворения были засвидетельствованы, формируя вокруг него репутацию избранности.

В параграфе 3.1 – «Телесные чудеса» – речь идет о комплексе чудес, которые направлены на оказание телесной помощи людям. «Телесные чудеса» являются наиболее многочисленными, а потому, очевидно, наиболее социально значимыми чудесами как в Святом Писании, так и в галльской агиографии. В этот комплекс входят: *чудеса исцеления* и *чудеса изгнания демонов*, включая *посмертные чудеса исцеления* и «*чудеса отсутствия*», а также *чудеса воскрешения*. Последние, хотя и менее многочисленны, должны были оказывать на читателей сильное воздействие. Главными функциями «телесных чудес» следует считать: демонстрацию божественного могущества и силы святого, который выступает в роли проводника его воли на земле; укрепления веры в спасение и победу над смертью; восстановление утвержденного свыше порядка. Структурная схема данных чудес в Евангелии и житии отличается, формируя разные образы чудотворцев. Спаситель совершает чудеса одним своим повелением в отличие от святых, которым для этого требуется ходатайство перед Господом. Обращает на себя внимание и тот факт, что «телесные» чудеса зачастую совершаются с помощью телесного контакта со святым, его мощами или реликвиями. В официальной теологии все это представлялись сосудом божественной благодати и, следовательно, имело в глазах средневекового человека чудотворную силу.

Параграф 3.2 – *Чудеса подчинения природы* – анализирует сюжет об усмирении стихии, который часто повторяется в галльской агиографии IV–V вв. Функциями данного комплекса чудес является демонстрация власти божественных сил над элементами природы, превосходства духовного над телесным. В то же время чудеса подобного рода используются агиографами также для демонстрации исключительности святого и величия божественного могущества, проявленного через него. Не только силы стихий покорны воле святого, но и тела и души людей. При этом очевидно различие между применением таких чудес в текстах южногалльских и центральногалльских житий. «Житие Гонората Арелатского» и «Житие Илария Арелатского» в большей степени ориентированы на восточные образцы концепта святости. Чудеса подчинения природы здесь перекликаются с чудесами восточных пустынножителей. В «Житии Мартина Турского» и «Житии святого Германа» с помощью чудес подчинения природы делается акцент на выполнении пасторских и социально-административных обязанностей святого.

Параграф 3.3 – *«Чудеса-пророчества и чудеса-видения»* посвящен исследованию одних из древнейших комплексов чудес – пророчеств и видений. Эти виды рассказов о чудесах близки и зачастую видения могут включать в себя пророчества, а последние – принимать облик видений. В основном агиографы используют рассказы об этих видах чудес для свидетельства наличия у святого божественной силы и подтверждения божественного предопределения всех событий. Однако в *Vita Martini* эти разновидности чудес принимают вид искушения святого дьяволом и встречи его с лжепророками. В сознании Сульпиция Севера, как и многих христиан поздней Античности, привычному миру приходит конец и наступают последние времена. Искушая святого, дьявол неслучайно принимает облик Спасителя, которого христиане ждут как Судью этого мира (*Vita Mart.* XXIV. 4–8). Однако впоследствии такой эсхатологический настрой в галльской агиографии ослабевает. В агиографии V в. подобных сюжетов не обнаруживается.

Параграф 3.4 – *«Чудеса обыденной жизни как отражение реалий повседневной жизни»* анализирует группа чудес, которая приближает личность святого к простому народу: *«бытовые чудеса»* и *чудеса, не нарушающие законов природы*. «Бытовые чудеса» ориентированы на проблемы людей того времени, а, следовательно, и были наиболее понятны им. Будучи выразителем небесных сил, святой отделен от людей, недостижим для них в силу своей святости. В то же время чудеса, которые он совершал в быту, приближали его к обычным людям. Чудеса, не нарушающие законы природы, отражают особое религиозное мировоззрение западноевропейского человека раннего средневековья. Но и те, и другие дают читателю представление об истории того времени. В контексте следования литературным традициям и топосам именно описание известных современникам автора топонимов и событий составляют особенность текста, являются выражением авторской индивидуальности. По всей видимости, использование чудес такого рода сохранилось в житийной литературе VI–VIII вв.

В **Заключении** представлены итоги проведенного исследования и изложены основные выводы. Установлено, что модель святости Галлии IV–V вв. складывалась под влиянием кризиса административного аппарата империи, складывания региональной идентичности, укрепления могущества Церкви и роста влияния епископата. На темы, которые поднимались в агиографическом произведении, оказывали серьезное влияние запросы аудитории. Вместе с тем образцы, созданные в житии, также транслировались аудитории в назидание и для формирования определенного стереотипа поведения.

Анализ модели святости Галлии IV–V вв., демонстрирует, что главными ее компонентами являются социально-административная, пастырская и чудотворная деятельность святого. В совокупности все компоненты галльской модели святости направлены на создание образа святого-патрона. Причем, по всей видимости, к концу V в. агиографы пытались вывести патронаж святого за рамки Галлии, конструируя образ общеевропейского святого-покровителя.

Истоки эволюции рассмотренной модели святости, на наш взгляд, следует искать в общем ослаблении светских политико-административных структур и активной аристократизации Церкви. В то же время, возможно, агиограф стремился продемонстрировать могущество святого, к которому паства могла обратиться за защитой и посредничеством.

Вместе с тем, как было показано в настоящем исследовании, в модели святости Галлии IV–V вв. обнаруживается две тенденции. Первая южногалльская тенденция обнаруживает влияние восточной житийной литературы и концентрирует внимание читателя на теме подвижничества святого. Отношения святого с общиной выстраиваются на основе его аскетического авторитета, а чудотворная и административная деятельность скорее представлены как обрамление для рассказа о добродетелях святого. Вторая тенденция связана с центральногалльской агиографией, которая сосредоточена на проблемах взаимодействия святого с паствой и изобилует рассказами о чудесах святого. Чудотворная деятельность святого является здесь инструментом для выполнения святым-епископом своих обязательств и становится той силой, которая способствует укреплению авторитета святого как патрона. Хотя первая тенденция имеет определенные параллели в латинской агиографии VI–VIII вв., именно вторая традиция изображения святого, по всей видимости, была принята в качестве основы для построения модели святости в последующие века.

Исследование позднейшей латинской житийной литературы доказывает также, что сохранились большинство топосов, используемых агиографами Галлии. Значительное влияние на дальнейшее понимание святости оказали сюжеты, образы и приемы рассмотренной модели, которая во многом заложила основы построения композиции в латинской житийной литературе Средневековья.

Публикации в изданиях по списку ВАК РФ:

1. Бабина А. А. Образ святого-воина в латинской агиографической литературе IV–VI вв. // *Via in tempore. История. Политология.* Белгород, 2021. Т. 48. № 1. С. 15–24.
2. Бабина А. А. Святые у трона: модели взаимодействия святых и светской власти в латинской агиографии IV–VI вв. // *Интеллигенция и мир.* Иваново, 2021. № 4. С. 72–93.
3. Бабина А. А. Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV–V вв. // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* Иваново, 2022. № 1. С. 85–94.

Публикации в других изданиях:

1. Констанций Лионский. Житие святого Германа / Пер. на рус. яз. А.А. Бабиной и В.М. Тюленева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 96 с.
2. Бабина А.А. Модель святого-ритора в галльских и итальянских агиографических текстах V – начала VI вв. // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020».* Второе издание: переработанное и дополненное / Отв.ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2020.
3. Бабина А.А. Военная лексика как элемент образа святого-патрона на примере *Vita Germani* Констанция Лионского // *Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIX всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.* Под ред. А.Ю. Прокопьева. 2020. С. 33–40.
4. Бабина А.А. Модели взаимоотношений святых и светской власти в латинской агиографии IV-V вв. // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021»/* Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021.
5. Бабина А.А. Модель аскетизма в галльской агиографии V в. На примере *Vita Germani* Констанция Лионского // *Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XL всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения».* Санкт-Петербург, 2021. С. 33–39.